

DOI 10.18522/2415-8852-2022-4-106-116

УДК 82.09

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЛЕМИКА Т. УОРТОНА И ДЖ. РИТСОНА В КОНТЕКСТЕ ПОИСКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Екатерина Игоревна Колосова

аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), младший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва, Россия)

e-mail: kolosova@inion.ru

ORCID: 0000-0003-1333-9129

Аннотация. Обращение к ранней и средневековой поэзии стало для британских историков, антиквариев, текстологов и писателей XVIII в. одним из ключей к переосмыслению истоков национальной культуры. В настоящей статье рассматривается литературная полемика английского писателя и текстолога Джозефа Ритсона с его коллегой по цеху Томасом Уортоном, автором «Истории английской поэзии», три тома которой увидели свет в 1774–1781 гг. Поскольку к середине XVIII в. история английского языка и литературы еще не получила статуса научной дисциплины, в процессе исследований старинных рукописей антиквариации выдвигали самые разные гипотезы, которые могли бы объяснять возникновение национального народного творчества. Будучи опытным исследователем древности, Ритсон был хорошо знаком с теми литературными памятниками, о которых писал Уортон в «Истории», и не мог одобрить критический пересмотр значения англосаксонского искусства для становления британской культуры. Спор Ритсона и Уортона можно рассматривать как спор двух литературных критиков, в котором каждый отстаивает свой взгляд на развитие английского языка и поэзии. С другой стороны, в «Замечаниях» Ритсон выступает как ученый-текстолог и конкурент Уортона-историка. В своих работах он проявляет нетерпимость к неточностям фактологического характера, вольным допущениям и неверным интерпретациям, а безответственный труд Уортона считает вводящим в заблуждение и представляющим большую интеллектуальную опасность для читателя.

Ключевые слова: Джозеф Ритсон, Томас Уортон, эпоха Просвещения, английская текстология, британская литература. XVIII век, антиквариации, баллада, старинная поэзия

Имя английского писателя и текстолога Джозефа Ритсона (Joseph Ritson, 1752–1803) известно далеко не каждому современному исследователю, однако его творчество в контексте истории литературы XVIII–XIX вв. интересно по целому ряду причин. Во-первых, именно он, опираясь на богатое фольклорное наследие, создал цельный образ легендарного Робин Гуда. Подготовленное им издание «Робин Гуд: собрание всех древних стихов, песен и баллад, сохранившихся до наших дней» (“Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs, and Ballads, Now Extant Relative to That Celebrated English Outlaw: To Which are Prefixed Historical Anecdotes of His Life”, 1795) [Ritson 1795] на протяжении XIX в. публиковалось 15 раз. Другие антиквары, продолжая начатое Ритсоном, стали собирать не вошедшие в его издание баллады. В 1847 г. Джон Мэтью Гатч (John Mathew Gutch, 1776–1861) опубликовал «Малую жесту о Робине Гуде» (“A Lytell Geste of Robin Hode”), однако данная работа предназначалась для научного сообщества, а не широкой аудитории. Во второй половине XIX в. наметились тенденции демократизации общества и интеллектуалы-социалисты, среди которых был художник и писатель Уильям Моррис (William Morris, 1834–1896), нередко обращались к образу ритсоновского Робин Гуда. Британские фольклористы конца XIX в., например известный Фрэнсис Джеймс Чайлд (Francis James Child,

1825–1896) и Сесил Шарп (Cecil Sharpe, 1859–1924), также активно издавали собрания баллад о Робине Гуде. Еще одна причина, почему стоит обратить внимание на литературное наследие Ритсона, заключается в том, что именно благодаря ему сохранилось множество образцов старинной поэзии. Наконец, Ритсон был пытливым ученым, исследователем литературы, который последовательно и активно боролся против искажения исторической правды, что в полной мере проявилось в его резкой полемике со многими современниками, такими как Т. Уортон (Thomas Warton, 1728–1790), Т. Перси (Thomas Percy, 1729–1811), Дж. Пинкертон (John Pinkerton, 1758–1826), С. Джонсон (Samuel Johnson, 1709–1784).

Шотландский философ и историк Д. Юм назвал свою эпоху «историческим веком» (the historical age). Вообще, XVIII в., в особенности его вторая половина, в Великобритании проходил под знаком активного становления новых научных подходов к исследованию истории. Увидели свет фундаментальные труды в области историографии, среди которых «История Англии» (“The History of England”, 1754–1761) Д. Юма, «История Южной Шотландии» (“History of Scotland during the reigns of Queen Mary and King James VI”, 1759) У. Робертсона, «История упадка и разрушения Римской империи» (“The History of the Decline and Fall of the Roman Empire”, 1776) Э. Гиббона и др. В результате возрос-

шего интереса к прошлому сформировались новые дисциплины и направления исторической науки, такие как социальная и культурная история, всемирная история и антикварные исследования. Вместе с тем научное сообщество XVIII в. столкнулось и с рядом новых трудностей. В то время как исторические исследования опирались на все более строгую методологию, набирал силу и скептицизм как в отношении отдельных исторических фактов, так и самой возможности реконструкции исторической правды. Многие ученые этого столетия, и Юм в их числе, критически относились к собственным исследованиям, а те методы художественного осмысления прошлого, к которым тогда обращались писатели, оборачивались также распространением литературных мистификаций, в особенности к концу XVIII столетия. В этом отношении текстология как филологическая дисциплина, занимающаяся атрибуцией текста и его восстановлением, пришла на помощь в борьбе с фальсификациями и мистификациями.

Родоначальником английской исторической филологии и текстологии считается Ричард Бентли (Richard Bentley, 1662–1742) [Lapidge: 19]. Его подход к древним текстам перекликается с методами естествоиспытателей, которые были его коллегами по Королевской академии, и прежде всего с методом его близкого друга Исаака Ньютона, работы которого он высоко ценил. Все последующие

английские текстологи, включая Дж. Ритсона, так или иначе опирались или спорили с разработанной Бентли методологией. Он был человеком необычайной образованности и, вместе с тем, строгим критиком, подчас резким и категоричным в своих суждениях. Так, Бентли внес, по меньшей мере, семьсот изменений в общепринятый корпус текстов Горация, хотя они не получили одобрения среди коллег: среди его оппонентов были такие ученые, как Х. Джолиф, А. Мейнек и др. Однако немецкий текстолог-классик, один из основателей современной практики критического издания античных текстов Карл Лахман (Karl Lachmann, 1793–1851) восхищался изданием Горация Бентли, споря лишь с отдельными положениями его работы [Konstan, Muecke: 180]. Сам Лахман известен своим особым методом работы с древними рукописями, основанном на выявлении в них общих ошибок. До Лахмана античные тексты издавали, как правило, по единственному манускрипту, игнорируя существование других авторских рукописей и копий. Лахман же считал, что задача текстолога заключается в выяснении, что автор написал самостоятельно, а не слепо приписывать ему все, что имеется в какой-либо копии его произведения [Hertz: 192]. При наличии нескольких рукописей одного произведения немецкий ученый стремился построить генеалогическое древо всех имеющихся версий, выявляя между ними сходства и различия. Проанализировав рас-

хождения, Лахман строил так называемую стемму с целью установить «основную» рукопись, к которой восходят остальные варианты. Завершив стемму, ученый переходил к воссозданию авторского текста, с опорой, согласно «системе ветвей» [Dembowski: 514], на наиболее близкую к оригиналу рукопись. «Метод Лахмана» был высоко оценен текстологами-классиками и оказал большое влияние на эдиционные практики XX в.

У Р. Бентли были иные представления о принципах, которым должен следовать хороший текстолог. Его рассуждения можно найти в предисловии к изданию произведений Горация [Bentley]. В нем ученый выделяет три важных для текстолога качества: *judicium* («суждение»), *sagacitas* («прозорливость») и *divinandi quaedam peritia* – «определенные навыки построения догадок», которые являются врожденными. Невзирая на стремление к научной правде, Бентли не отрицал важность «научной интуиции», что М. Лэпидж объясняет тем, что у ученых XVII–XVIII вв. не было возможности пользоваться открытыми каталогами рукописей. Они станут доступны лишь в XIX в., поэтому современники Бентли были вынуждены получать многие знания «из уст в уста» [Lapidge: 19]. Тем не менее, следует отметить, что при жизни Бентли возникла палеография. Пятый том книги Жан Мабийона (Jean Mabillon, 1632–1707) «Дипломатика» (*De re diplomatica*, 1681) содержал письменные ис-

точники, датируемые IV–XV вв., что послужило хорошим примером для более эффективной атрибуции старинных рукописей.

Английский писатель Т. де Квинси высоко оценил предложенный Бентли подход. В своей «Исповеди англичанина, любителя опиума» (“Confession of an English Opium-Eater”, 1822) он включил текстолога в состав «величайшей триады исследователей греческих текстов, которые жили и активно работали между английской революцией 1688 г. и началом XIX в.» [De Quincey: 40], поставив в ряд с Р. Порсоном (Richard Porson, 1759–1808) и Л. Валькенаром (Lodewijk Caspar Valckenaer, 1715–1785). Для де Квинси особенно ценной является попытка Бентли восстановить текст греческого Нового Завета. Несмотря на то, что само издание не было опубликовано (в этом смысле К. Лахманну повезло больше – ему удалось опубликовать свое издание Нового Завета), ученый приблизительно датировал ряд менее известных копий Священного Писания, что впоследствии помогло лучше распознавать стили и традиции, свойственные переписчикам разных исторических эпох. Исследователь творчества Бентли К. Хоген отмечает, что на методы ученого такого масштаба повлияли ценности и традиции английского XVI в., а именно: необходимость подготовки научного аппарата своих исследований, наличие многочисленных сносок и опора на авторитетные источники, а также аргументирован-

ность суждений [Haugen: 5]. Именно этим принципам стремились следовать ученые-текстологи XVIII–XIX вв., включая Дж. Ритсона.

Современных работ, посвященных творчеству Ритсона, не столь много. В 2018 г. Ж.Т. Макнат защитила диссертацию «Джозеф Ритсон и публикации ранней английской литературы» [McNutt]. Данная работа, на наш взгляд, является наиболее крупным современным исследованием творчества Ритсона. На диссертацию Макнат ссылается современный биограф Ритсона С. Басдео [Basdeo], который в 2021 г. подготовил труд «Открывая Робина Гуда: жизнь Джозефа Ритсона, джентльмена, ученого и революционера». Исследуя биографию ученого-текстолога, Басдео во многом опирается на двухтомную биографию под названием «Джозеф Ритсон, воинствующий ученый», подготовленную Б. Бронсоном [Bronson] в 1938 г., а также на самую первую биографию Ритсона, опубликованную Дж. Хаселвудом [Haslewood] в 1824 г.

Несмотря на относительно небольшое количество исследований, о научных взглядах и характере Ритсона можно составить представление, опираясь на его полемические работы. Изучая историю английской литературы, писатель неоднократно вступал в спор со своими коллегами по цеху. В XVIII в. литературная полемика были распространенной практикой, однако темперамент Ритсона

и его стиль ведения дискуссии несколько отклонялись от общепринятой нормы. Подобно Бентли, он не скрывал своего пренебрежения к некоторым идеям своих оппонентов, а подчас не стеснялся ставить под сомнение их профессиональные навыки и даже личные качества. Именно этим Басдео объясняет причину плохой репутации Ритсона и его последующего забвения.

Основная претензия Ритсона к оппонентам заключалась в том, что те позволяли себе вольности и неточность при обращении с историческими фактами. В целом рост интереса к истории в Великобритании XVIII в. неслучаен. Хотя после принятия в 1707 г. парламентами Англии и Шотландии Акта об Унии, свидетельствующего о создании единого Королевства Великобритания, политическая власть в государстве обрела формальную стабильность, в то время как внутри британского общества до конца века сохранялась напряженность. Т. Нектмен сравнивает британское общество конца столетия с Робинзоном Крузо, обнаружившим «след империи на берегах Британии» [Nechtman: 9]. Вплоть до конца XVIII в. британцам так и не удалось прийти к консолидированному мнению в отношении Ост-Индской компании. Значительная часть общества по-прежнему не желала ассоциироваться с политикой Британской империи, что спровоцировало новый подъем национальных движений и поиски национальной идентичности, толчок

которым был задан задолго до создания единого союзного государства.

Обращение к ранней и средневековой поэзии стало для британских историков, антиквариев, текстологов и писателей XVIII в. одним из ключей к переосмыслению истоков национальной культуры. Одним из первых, кто последовательно изложил историю британской поэзии, был Томас Уортон. Предположительно, в 1750-х гг. он начал работу над фундаментальной «Историей английской поэзии» (“The History of English Poetry”, 1774–1781), первый том которой опубликовал лишь в 1774 г. С одной стороны, Уортон вполне в духе Просвещения поставил перед собой задачу популяризации научного знания за пределами научного сообщества. С другой стороны, свой способ изложения материала он характеризовал как «летописную последовательность» [Warton: iii], помогающую избежать жесткой категоризации и деления литературы на точные исторические периоды. В «Истории» Уортон нередко выступает как литературный критик, выносящий свои суждения о древней поэзии, за что впоследствии и сам подвергается критике оппонентами – в первую очередь Ритсоном.

Объясняя выбор изучаемого исторического отрезка (конец XI – начало XVIII в.), Уортон заявляет, что с практической точки зрения англосаксонская поэзия не представляет никакого исследовательского интереса, так как она предшествовала периоду форми-

рования национального британского характера, однако Д. Мэтьюз выдвинул предположение, что историка сковывало незнание древнесаксонского языка [Matthews: 30–32]. С периода норманнского завоевания Англии (начало XII в.) на смену англосаксонской поэзии приходит среднеанглийская, и именно с нее, по мнению Уортона, следует начать обзор английской литературы. Три тома своего труда он посвятил последовательному анализу древних текстов, рукописей шотландских песен и известных средневековых стихов, высказывая мнение относительно подлинности задействованных источников и параллельно вводя читателя в исторический контекст того или иного литературного памятника. Известно, что Уортон намеревался выпустить еще один том своей «Истории», который, однако, так и не был опубликован. Лишь малая часть четвертого тома увидела свет в 1789 г., чему предлагались самые разные объяснения. Так, Д. Мэтьюз предположил, что синтез просветительского и «романтического» подхода, применявшийся Уортоном, не подходит для анализа литературы XVI в. [Matthews: 31]. Б. Бронсон счел, что очарованность Уортона романтической поэзией возобладала над его исследовательским интересом к древней литературе. Но было и другое объяснение: якобы английский антикварий Ритсон своей острой критикой вынудил Уортона оставить научные изыскания.

Спустя год после издания последнего тома «Истории» Уортона были опубликованы «Замечания к трем первым томам «Истории английской поэзии» (“Observations on the three first volumes of the History of English Poetry. In a familiar letter to the author”, 1782) малоизвестного на тот момент писателя и антиквара Ритсона. В сущности, с этого текста начинается его карьера и широкая известность в литературных кругах. «Замечания», облеченные в форму дерзкого письма Уортону, представляют собой язвительную критику первых трех томов «Истории». Ритсон ставит под сомнение не только научную ценность исследования, но и личные качества его автора. Буквально с первых страниц автор называет безупречную репутацию Уортона своеобразным парадоксом, требующим пристального рассмотрения, чтобы понять, каким образом историку удалось снискать всеобщее уважение. Предупреждая возможные упреки, Ритсон отвергает личный мотив в своих напаках: «...уверяю вас, удовлетворение, которое я мог испытать, найдя вашу работу безупречной, было бы бесконечно выше того, что я почувствовал, сделав себя публичным инструментом разоблачения» [Ritson 1782: 2].

Последовательно анализируя в своем трактате все опубликованные тома труда Уортона, Ритсон перечисляет конкретные пассажи и страницы, с которыми не согласен. В первую очередь, его задело провокационное

суждение о статусе древнесаксонского языка, который, с точки зрения Уортона, остался в памяти лишь «нескольких антиквариев», так что «поэзия на этом языке не может быть интересной современному автору Великобритании» [Ritson 1782: 2]. Ритсон придерживался противоположного убеждения. Соглашаясь с тем, что благодаря норманнским захватчикам произошли качественные изменения языка и социального устройства, он не сомневался, что характерные особенности англосаксонской культуры не были полностью стерты из британского сознания. По Ритсону, отказываясь признавать значение англосаксонского искусства для становления британской культуры, Уортон вводит в заблуждение многочисленных читателей и представляет большую интеллектуальную опасность для них, а сам утрачивает объективность, необходимую всякому ответственному историку.

Помимо незнания и непонимания истоков родной культуры, Ритсон упрекает Уортона и в том, что тот неверно датирует древние тексты: «Наверное, было бы нелишним раз и навсегда предупредить читателя, что вы интерпретируете везде наугад; и не потому, что вы прекрасно понимаете [древние рукописи], а потому, что совершенно не знаете слова, которые пытаетесь объяснить» [Ritson 1782: 6]. В саркастической манере он высвечивает оплошности Уортона в переводах древнеанглийских слов, предлагая взамен

свои, более удачные, по его мнению, варианты. Под сомнение текстолог ставит и саму образованность Уортона в области истории. Так, слово «британский», с его точки зрения, употребляется в работе в искаженном смысле. Ритсон настаивает на том, что «британский» означает «английский», между этими прилагательными следует ставить знак равенства, а иное, по его мнению, невозможно. В противном случае страна никогда не носила бы названия «Британия»: «Арморику французы называли “la petite Bretagne”, а мы – “little Britain”, просто для того, чтобы отличать эту местность от страны Великобритании, именуемой [на французском] “la Grande Bretagne”» [Ritson 1782: 44].

Колкая критика, умаляющая Уортона как исследователя и историка литературы, объясняется нетерпимостью Ритсона к искажению исторических фактов. Те ошибки, которые ему удалось выявить, давали основание для резких суждений, в которых сам он видел необходимость, служа интересам сохранения исторической правды: «Но мы видим (что и было в достаточной мере доказано), что на вас нельзя полагаться ни в чем; вся работа представляет собой сплошную ткань из лжи от начала и до конца» [Ritson 1782: 48]. Действительно, «История», будучи первой широко известной работой по истории английской средневековой литературы, своим новаторством привлекала особое внимание. Это усиливало опасения Ритсона, подталки-

вая его противопоставить многочисленным восторженным отзывам собственные критические суждения. Исходя из того, что «Замечания» – только вторая опубликованная работа писателя, можно предположить, что вызывающе резкий тон выбран автором отчасти и с целью привлечения наибольшего внимания к себе как к исследователю.

За публикацией «Замечаний» последовал спор Ритсона и Уортона в журнале «Джентлменз мэгэзин» (“Gentleman’s Magazine”), который длился несколько месяцев, хотя, по большому счету, полностью не прекратился и после окончания журнальной полемики. Так, в 1802 г., за год до своей смерти, Ритсон публикует собрание «Древние английские рыцарские романы в стихах» (“Ancient English Metrical Romances”, 1802) и предвзвешивает книгу «Трактатом о жанре рыцарского романа и поэзии менестрелей» (“Dissertation on Romance and Minstrelsy”), в котором продолжает жестоко критиковать Уортона и других литературных оппонентов (Т. Перси, Дж. Пинкертон). У каждой из сторон конфликта нашлись сторонники. По оценке Д. Мэтьюза, большую поддержку получил Уортон: его поддержали антиквариист Роберт Сертиз (Surtees, 1779–1834) и Джозеф Хаслвуд (Haslewood, 1769–1833). На противоположных позициях стоял антиквариист Харрис Николас (Nicolas, 1799–1848), который и спустя тридцать лет после смерти Ритсона настаивал, что, невзирая на резкость суждений

и грубость, автор «Замечаний» руководствовался не личными мотивами, а следовал научной правде.

В исторических концепциях Ритсона и Уортона действительно прослеживаются серьезные расхождения. Поскольку к середине XVIII в. история английского языка и литературы еще не получила статуса научной дисциплины, в процессе исследований старинных рукописей антиквариата выдвигали самые разные гипотезы, которые могли бы объяснять возникновение национального народного творчества. Будучи опытным исследователем древности, Ритсон был хорошо знаком с теми литературными памятниками, о которых писал Уортон в «Истории», и не мог одобрить их критического пересмотра. Он полагал, что древняя литература не нуждается в оценке, поскольку обладает собственной значимостью. Иными словами, спор Ритсона и Уортона можно рассматривать с нескольких точек зрения: с одной стороны, это спор двух литературных критиков, в котором каждый отстаивает свой взгляд на развитие английского языка и поэзии. С другой стороны, в «Замечаниях» Ритсон выступает как ученый-текстолог и конкурент Уортона-историка. В своих работах он проявлял нетерпимость к неточностям фактологического характера, вольным допущениям и неверным интерпретациям.

По мнению Басдео, Ритсон, указывая на недостатки чужих изысканий, оказывал их

авторам услуги [Basdeo: 89]. Он был отнюдь не единственным английским ученым, который не самым сдержанным образом выражал свою точку зрения. Большинство обвинений в адрес Ритсона восходят к частной переписке английских интеллектуалов, чьи труды он критиковал, и после смерти писателя эти мнения получили огласку. Именно это несправедливо уничтожило репутацию английского текстолога и писателя.

References

- Basdeo, S. (2021). *Discovering Robin Hood: the life of Joseph Ritson – gentleman, scholar and revolutionary*. Barnsley: Pen & Sword History.
- Bentley, R. (Ed.). (1711). *Q. Horatii Flaccus, Ex Recensione & cum Notis Atque Emendationibus Richardi Bentleyi* [Q. Horace Flaccus, edited, with notes and corrections by Richard Bentley]. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bronson, B. (1938). *Joseph Ritson, scholar-at-arms*. Berkeley: California University Press.
- Dembowski, P. (1993). The “French” tradition of textual philology and its relevance to the editing of medieval texts. *Modern Philology*, 90 (4), 512–532.
- De Quincey, T. (1994). *Confessions of an English opium-eater*. Hertfordshire: Wordsworth editions.
- Haslewood, J. (1824). *Some account of the life and publications of the late Joseph Ritson, esq.* London: R. Triphook.

Haugen, K.L. (2011). *Richard Bentley: poetry and Enlightenment*. Cambridge: Harvard University Press.

Hertz, M. (1851). *Karl Lachmann, eine Biographie* [Karl Lachmann: biography]. Berlin: Wilhelm Hertz.

Konstan, D., & Muecke, F. (1992). Bentley as a reader of Horace. *The Classical Journal*, 88 (2), 179–186.

Lapidge, M. (1991). Textual criticism and the literature of Anglo-Saxon England. *Bulletin of the John Rylands Library*, 73, 17–46.

Matthews, D. (1999). *The making of Middle English, 1765-1910*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

McNutt, G.T. (2018). *Joseph Ritson and the publication of early English literature*. Edinburgh: University Press of Edinburgh.

Nechtman, T.W. (2010). *Nabobs: empire and identity in eighteenth-century Britain*. Cambridge: Cambridge University Press.

Ritson, J. (1782). *Observations on the three first volumes of the history of English poetry*. London: J. Stockdale.

Ritson, J. (1795). *Robin Hood: a collection of all the ancient poems, songs, and ballads, now extant relative to that celebrated English outlaw: to which are prefixed historical anecdotes of his life*. London: T. Egerton and J. Johnson.

Warton, T. (1774). *The history of English poetry: from the close of the eleventh century to the commencement of the eighteenth century*. London: J. Dodsley.

Для цитирования: Колосова, Е.И. Литературная полемика Т. Уортона и Дж. Ритсона в контексте поиска исторической правды в эпоху Просвещения // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7. № 4. С. 106–116. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-4-106-116

For citation: Kolosova, E.I. (2022). T. Warton and J. Ritson literary debate over historical truth in the age of Enlightenment. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 7 (4), 106–116. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-4-106-116

T. WARTON AND J. RITSON LITERARY DEBATE OVER HISTORICAL TRUTH IN THE AGE OF ENLIGHTENMENT

Ekaterina I. Kolosova, PhD Student, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), Junior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); e-mail: kolosova@ion.ru

Abstract. The appeal to early and medieval poetry became one of the keys to rethinking the origins of national culture for British historians, antiquarians, textologists and writers of the XVIII century. This article examines the literary debate of English writer and textual critic Joseph Ritson with his colleague Thomas Wharton, author of “The History of English Poetry”, three volumes of which were published in 1774–1781. Since by the middle of the XVIII century, the history of the English language and literature has not yet received the status of a research discipline; in the process of studying ancient manuscripts, antiquarians put forward a variety of hypotheses that could explain the emergence of national art. Being an experienced researcher of antiquity, Ritson was well acquainted with the literary texts, that Wharton wrote about in his “History”, and could not approve his critical revision of Anglo-Saxon art for the formation of British culture. The debate between Ritson and Wharton can be seen as a dispute between two literary critics, in which each defends his own view on the development of the English language and poetry. On the other hand, in his “Observations” Ritson appears as a textual scholar and a rival of Wharton. In his works, he is intolerant of factual inaccuracies, loose assumptions and incorrect interpretations: Wharton’s irresponsible work is considered misleading and posing a great intellectual danger to the reader.

Key words: Joseph Ritson, Thomas Warton, Enlightenment, textual criticism, British literature, XVIII century, antiquary, ballad, ancient poetry

